

Елена Пастернак

Действующее лицо

Разбирая письма, те самые, которые шли в Переделкино из разных стран от разных людей в страшные месяцы (с октября 1958 года до смерти Бориса Леонидовича), мы не могли не понимать, что это неизученное, вторичное наследие сейчас приобретает особенное звучание. По этим письмам можно следить за тонкими нитями, составляющими текст истории. Как известно, основное эпистолярное наследие Пастернака практически полностью издано, профессионально исследовано и откомментировано. Переписка с Цветаевой, Рильке, родителями и сестрами, с Ариадной Эфрон, с Шаламовым, Ренатой Швейцер, грузинами – «большая переписка Пастернака» давно и по праву воспринимается как бесценный материал, свидетельствующий о его характере в работе и повседневности, отношениях с людьми, жизнью и смертью. Отношение его к архивам, записным книжкам, бумагам вообще известно. Это мешало жить, засоряло жизнь, как и лишние вещи, предметы, загружающие пространство, от которых он с настойчивой легкостью избавлялся.

Корреспонденция – это совсем иное дело, поскольку в письмах звучат живые голоса людей, которые о чем-то просят, сожалеют, рассказывают. О совершенной отзывчивости (эмоциональной и действенной) Пастернака-адресата хорошо известно. Мы знаем и о том особенном ожидании писем в последний период жизни практического запрета на работу и почти полной изоляции. На калитке дачи висел обычный почтовый ящик, почту в Переделкино носили утром, иногда письма бросали в ящик, а заказные почтальонша приносила прямо в дом. Разноцветные конверты не выцвели, и теперь по адресам отправителей ясно, что большин-

ство писем приходило от европейских читателей, некоторые шли из Америки, чаще всего письма написаны по-немецки, по-английски и по-французски, очень редкие письма из Европы написаны по-русски.

На обороте многих конвертов рукой Пастернака простым карандашом написано «Отвечено», иногда в двух строчках он резюмировал письма, с тем чтобы вернуться к ним при необходимости, или в случае если они были глупы и бессодержательны, больше к ним не прикасаться. Например:

«Интересно пишет об истории России», или: «Задает вопросы о роли искусства в истории». Есть пометки вроде: «Чушь. Не отвечать». Есть и конверты с пустыми оборотами.

Очевидно, что многие корреспонденты выражали Пастернаку сочувствие по поводу травли поэта, последовавшей за присуждением ему Нобелевской премии в 1958 году. Многие авторы искренне предлагали ему и его семье свой дом. Некоторые задавали вопросы о сосуществовании поэзии и власти, о способах сопротивления тоталитарной власти, о христианстве, войне и мире.

Переписку Пастернака последних полутора лет жизни не следует считать исключительно отвлечением от постигшего его горя, напротив, это была работа, возможность услышать разные голоса мира и отвечать им.

В человеке – собеседнике или корреспонденте – Пастернаку важнее всего прочего было услышать его голос не изолированно, но вплетенным в общий контекст времени. Он был особенно чувствителен к ходу времени и человеку как части истории, помещенному в определенную эпоху. Именно этот аспект был чрезвычайно важен, на этом было заострено его внимание более, нежели на событиях повседневной фактуры или умозрительных

беседах. Один из последних текстов, написанных Пастернаком, свидетельствует о том, что это положение было центральным в кругу экзистенциальных вопросов, затрагивавших его при любых обстоятельствах. В 1959 году, отвечая на вопрос «Что такое человек?», заданный писателям разных стран западногерманским журналом, Пастернак писал об исторической функции человека:

«Человек – действующее лицо. Он герой постановки, которая называется «история», или «историческое существование». Разумеется, эти слова не следует понимать как некое пренебрежение категорией воли человека, скорее как его включенность волей высших сил в сам ход истории в роли действующего лица.

При чтении писем так же, как и при чтении прозы Пастернака, стоит помнить и о том, какое значение придавалось им совпадению, которому нередко сообщался смысл знамения, как будто некоего оклика сверху. На совпадениях построены многие сюжетно-смысловые линии ранней прозы Пастернака и романа «Доктор Живаго». В повседневности он прислушивался к совпадениям и никогда не трактовал их как случайное стечение обстоятельств.

Об одном из многочисленных писем, полученных Пастернаком в тяжелый период, последовавший за его исключением из Союза писателей, очень точно названный Л.К. Чуковской «страстной неделей Пастернака», хочется рассказать отдельно. Именно это письмо представляется наилучшим образцом отклика на два упомянутых выше положения его мировоззрения.

Это письмо пришло из Австрии в конце ноября 1958 года и, как множество подобных писем, содержит отклик на роман «Доктор Живаго» и историю с Нобелевской премией. Автор ни о чем не просит, не анализирует и ничего не предлагает, в отличие от большинства иностранных корреспондентов. Он попросту осмеливается рассказать о некоторых обстоятельствах своей жизни, справедливо полагая, что некоторые совпадения могут тронуть Пастернака, находящегося в изоляции от мира.

Письмо написано от руки, несколько ученическим русским языком, впрочем, вполне профессиональным для философа и переводчика русской литературы. Заглавия некоторых немецких сочинений мы перевели на русский язык и сочли нужным исправить незначительные орфографические ошибки и, кроме

того, внести две купюры – в тех местах, где излагается подробная библиография авторских сочинений на немецком языке. Авторская стилистика, синтаксис и пунктуация сохраняются.

Вена, 5 ноября 1958 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Вы воспитывались в Поварской гимназией и описали Ваши переживания в стихах. Там же я был подвержен хирургической операции на раненном колене в январе 1915 г. военнопленным. Может быть, я лежал в том же классе второго этажа, что Вы учились? Теперь меня сильно трогают Ваши переживания советским писателем. Хочется мне Вам это выразить несколькими строками, хотя и на не чересчур порядочном русском языке и мною любимом. Вернулся я в Австрию в 1920 г. после побега в Японию, учился я тоже в Марбургском университете у Наторпа, кроме того, у Николая Гартманна (русского происхождения), Мартина Гайдеггера и др. Еще студентом я публиковал первые мои переводы из русской литературы, а именно «Сон смешного человека» и «Записки из подполья» Достоевского, «Зимние сонеты» Вячеслава Иванова, да и юношескую книгу «Idee und Wirklichkeit. Dostojewsky, Russland und Wir» («Идеи и действительность. Достоевский, Россия и мы»), которая упомянута в статье о Д. 1-го издания «Советской энциклопедии». Великим русским поэтом и пророком я уже стал было заниматься в Омской крепости, где еще стояли такие же палисады, которые он описует в «Записках из мертвого дома». «Белые ночи» и «Хозяйку» мне пришлось также перевести в «Библиотеке Рэклам» 1928 г. Из новых русских писателей несколько рассказов Александра Яковлева и роман «Победитель», да я состоял об этом с автором в переписке.

Сам я писал о своих переживаниях в России книгу «Heimat, dein Wille geschehe!» («Родина, да свершится воля твоя!»), где и находится описание Вашей гимназии в Москве, и пр. Никогда я не забуду лето 1919 г. в сибирской тайге, именно лесороботником под «Столбами» близ Красноярска, рисунок которых я недавно нашел в «Советской энциклопедии», местность романтическая и красивая, которую я очень хотел бы еще увидеть. Там же я и встретил одного русского поэта, который мне говорил стихи

на нашу вечную тему: «Человек одинок». Близ Читы до моего побега мне пришлось чуть-чуть не быть сожранным волками, после того как один белобородый ссыльный на льду реки Ингоды мне сказал незабываемые слова (на мой вопрос, есть ли волки на моем пути): «Волк – это человек...».

Это все только, чтобы Вы смогли узнать, что и как я, может быть, вправе Вас теперь назвать своим братом в особенном смысле.

Читал я только те из Ваших произведений, которые нашлись в библиотеке Австро-Советского общества в Вене. Ваш перевод нашего «Фауста» был послан из Москвы по моему заказу. Он велик, и особенно в тех его частях, где сам поэт уже чувственно состарился и исполнял, кажется, свой план только еще из внутреннего натиска поэтической обязанности оставить своему народу и человечеству грандиозную поэму не незаконченной. Ваш перевод дает эти части омоложенными, так что я, немец по происхождению и убеждению, чувствую к Вам глубокую благодарность за ту любовь, с которой Вы смогли так сочувственно переводить.

Вы теперь стали великим символом человечности во всемирной литературе. Стойте на месте Вашей судьбы и победите! Я сочувствую статье некоего Estiemble «Un home seul parmi les siens» («Одинокий человек среди своих») в «Le Monde» от 4-го сего месяца, от которой мне пришло на ум к Вам написать дружеское письмо. Я уж в феврале с. г. писал было о Вас статью в венскую газету «Die Presse», но хоть и принята она была письменно и гонорирована, но редакция как-то потом не решилась ее публиковать.

Верьте мне, высокопочитаемый Борис Леонидович, так называемый многими пропагандистами «свободный мир», по моим переживаниям как австрийского публициста и литератора, не свободнее советского во многих отношениях. На бирже этичности самоотверженное убеждение здесь не имеет более высокого курса, чем в Москве, только оно подавляется многими методами!

<....> В 1954 году я был удостоен преисом на работу о культурных реформах Австрийской академии наук, и хотя я был политическим пленником Гестапо в Минце, в концентрационном лагере Дахау, а потом и в американском GJC от 1943 до 1946 г. и разведен с моей семьей за свои политические убеждения <...> Да, это прав-

да, Борис Леонидович, человек один! И «Волк сам человек!», особенно когда он многое говорит о «свободе мысли», имея в мысли только денежный успех и ложный шум скрибентов... Ваша судьба меня не только затрагивает, но и поддерживает! Будем спокойны! История ходит своей дорогой, характерами гуманными и в то же время сильными. Жму Вашу руку!

Dr Konrad Praxmarer

Приведенное письмо, содержащее по-немецки подробную профессиональную характеристику и слегка застенчивый рассказ о событиях жизни, соответствующих драматическому ходу всей первой половины двадцатого века, поистине замечательно. В нем отчасти зеркально отражаются события юности и молодости самого Пастернака (гимназия на Поварской, Марбургская философская школа), отчасти – события из романа «Доктор Живаго» (побег из плена, разлад с семьей). Но при первом же прочтении наиболее пронзительно озаряет понимание того, как сильно первые строчки письма резонируют со стихотворением Пастернака 1941 года «Старый парк»:

...Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
Заморозки по утрам,
И когда кладут припарки,
Плачут стекла первых рам.

В письме повторяются многие детали – ранение в ногу, хирургическая операция, холодные окна, в которые смотрит раненный солдат, оказавшийся в госпитале, развернутом в старом просторном здании, и вопрошающий судьбу, почему именно сюда его занесла война.

Автор этого письма – Конрад Праксмарер, критик и историк культуры, много печатавшийся до второй мировой войны.

В Европе его помнят как исследователя творчества Достоевского. Некоторые его работы активно цитируются и сейчас, в особенности монография «Idee und Wirklichkeit» («Идеи и действительность»), упомянутая в письме. Он прожил долгую жизнь. Точное пересечение линий его судьбы с существенными моментами биографии Пастернака, открывшееся нам из единственного письма, придает особенное звучание этой жизни, всему ее опыту и мировоззрению. Дальнейшая нелегкая задача исследователя состоит в поисках ответа на это письмо, возможно, хранящегося в частных архивах.

Москва

